

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

9 • 2006

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
СЕРАФИМА
(ЧИЧАГОВА)

с. 78

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)

К 150-летию со дня рождения

В этой публикации мы познакомим читателей журнала с малоизвестным периодом жизни видного иерарха Русской Православной Церкви – митрополита Серафима (Чичагова; 1856–1937). Имя святителя Серафима, в 1997 году прославленного в Соборе новомучеников и исповедников Российских, известно каждому православному человеку в России, да и за ее рубежами. Этот достойнейший архипастырь Святой Церкви мученической кончиной засвидетельствовал свою верность Христу. Он был разносторонне одаренным человеком: гвардейский офицер-артиллерист, во-

Гвардейский офицер
Л. М. Чичагов
с супругой
Н. Н. Чичаговой
Начало 1880-х годов

енный историк и духовный писатель, иконописец и музыкант; врач, создавший собственную систему лечения. В течение тридцати лет он был духовным чадом святого праведного Иоанна Кронштадтского. Выполняя завещание преподобного Серафима Саровского, митрополит Серафим составил летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, внес огромный вклад в прославление преподобного.

За сорок лет священнослужения Владыка Серафим трудился во многих местах России: в Москве, Троице-Сергиевой Лавре, Суздале, Новом Иерусалиме, Сухуми, Орле, Кишиневе, Твери, Ленинграде. Особым драматизмом были наполнены последние два года служения Владыки Серафима на Тверской кафедре – 1917 и 1918-й, когда начались жестокие гонения на Русскую Православную Церковь.

Внучка священномученика Серафима игуменья Московского Новодевичьего монастыря Серафима (Черная-Чичагова, † 1999) приложила много усилий для подготовки прославления новомученика. По благословению матушки Серафимы автор этой ста-

ты, Ольга Ивановна Павлова, занималась поиском и исследованием документов в Синодальном архиве в Петербурге. Эти документы проливают свет на события, происшедшие в Твери в первые послереволюционные годы.

Торжества по случаю прославления преподобного Серафима Саровского.
Слева от Государя – архимандрит Серафим 1903 год

ТВЕРСКАЯ ДРАМА 1917–1918 ГОДОВ

В Синодальном архиве в Петербурге хранится дело № 154 «По поводу постановления Тверского епархиального съезда об удалении архиепископа Серафима»¹. В нем содержатся письма архиепископа, определения Святейшего Правительствующего Синода, постановления Тверского губернского совета крестьянских депутатов, протоколы общих собраний духовенства и мирян, благочиннических съездов с протестами против насилия над главой местной церкви, с требованиями об оставлении архиепископа Серафима на Тверской кафедре и осуждением поведения членов Епархиального совета (л. д. 105–111, 113–116, 118–121, 135–146). Документы говорят о тяжелых испытаниях, которые пришлось пережить святителю Серафиму в период революционных потрясений 1917 года. Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война усугубилась внутренней смутой, которая привела к крушению основ православно-монархической государственности в России. Владыка Серафим уже в 1915 году сформули-

ровал свое отношение к происходящим событиям: «Какая-то Дума, какие-то съезды и совещания вместе с крамольной, изменнической печатью домогаются переустройства нашего государства... Знайте, что этого никогда не будет. Мы, пастыри Церкви, выйдем на борьбу с этой изменой старому строю, и в этой борьбе не убоимся даже мученичества»². Его слова оказались пророческими.

Епископ Алексей (Симанский), будущий Патриарх Алексей I, писал об этом времени своему духовнику митрополиту Ташкентскому Арсению (Стадницкому, † 1936): «По всему видно, что Святая Церковь наша вступает в полосу тягчайших бедствий и злостраданий и что нам, архиереям и пастырям, предстоит много скорбей, и лишений, и страданий, быть может. Тому кто верует, что, по слову Божию, Церковь Христова неодолима и что нынешняя земная жизнь каждого человека есть лишь скорбная и неизбежная малая частица вечного бытия, можно этим утешаться, и надо только просить у Господа до конца остаться Ему верным и не изнемочь под тяжестью креста»³.

Изгнание иерархов, являвшихся приверженцами

монархической государственности, началось по инициативе Временного правительства, в частности обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова, и приобрело наибольший размах после захвата власти большевиками осенью 1917 года. В. Н. Львов в марте 1917 года получил от Временного правительства поручение выработать проект церковных преобразований. Реформирование или, лучше сказать, ликвидация прежнего Синода, учиненная новым обер-прокурором, и образование нового «либерального» Синода способствовали тому, что на Епархиальных съездах часть духовенства и миряне на основе личных антипатий требовали отстранения наиболее влиятельных иерархов и назначения новых⁴.

В апреле 1917 года по инициативе обер-прокурора В. Н. Львова и с благословения Святейшего Синода в епархиях Русской Православной Церкви стали происходить Епархиальные съезды с участием выборных представителей, призванные рассматривать насущные вопросы епархиальной жизни и подготавливать созыв Поместного Собора. Главной их задачей было пе-

реизбрание епископов и всего епархиального духовенства, упразднение Консистории с заменой ее Епархиальным советом.

Враги Православной Церкви применяли всевозможные средства, направленные на удаление «нелояльных» иерархов с епископских кафедр, одобряли произвол при проведении Епархиальных съездов, опираясь при этом на нижние слои общества; привлекали на свою сторону (путем запугивания) викарных епископов, радикально настроенное духовенство, псаломщиков; игнорировали мнения приходских и благочиннических собраний, мнение монастырей, выраженное в письмах, телеграммах, протоколах собраний; захватывали епархиальные дома, имущество, припасы. Все эти приемы использовались и в отношении Владыки Серафима. В донесении Святейшему Правительствующему Синоду 27 апреля 1917 года Владыка Серафим описывал ситуацию следующим образом: «В день моего возвращения в Тверь из Петрограда после переворота я созвал пастырское собрание для обсуждения создавшегося положения, а на следующий вечер собрал заседание всего духовенства с церковными старостами, на котором и было определено созвать экстренный Епархиальный съезд 20-е апреля... затем, дабы пойти навстречу современным, очень резким требованиям, я сделал распоряжение о производстве новых выборов: благочинных, помощников их, членов

**Архиепископ Кишиневский
и Хотинский Серафим**
1912 год

благочиннических советов и духовных следователей.

Однако мое стремление внести некоторое успокоение в среду духовенства и приходы оказалось безрезультатным... Многие благочиния решили совсем не избирать благочинных и их помощников, а заменить их исполнительными комитетами из духовенства и мирян. В одном благочинии в подобный комитет избрали восемнадцать человек при девяти мирянах. Миряне явились виновниками всяких беззаконий. Не дожидаясь моего возражения или утверждения, благочинным было приказано сдать дела комитетам. Таким образом, разрушилась всякая связь между приходами, мною и Консисторией...

Чтобы несколько разъяснить духовенству и всему съезду пределы их разрушительной работы, я пригласил на съезд 20 апреля профессора Московского университета И. М. Громогласова. К великому моему огор-

чению, миряне не пожелали подчиниться преподанной Тверским съездом норме при выборе депутатов на съезд. Вместо двух мирян прибыло по три-семь от благочиния, и, таким образом, голоса мирян превысили голоса духовенства. Разработанную комиссиями программу съезда с докладами они шумно и резко отвергли, заставив принять свою программу...

Отслужив перед открытием молебен, я увидел, что церковных ревнителей нет ни одного из известных мне в епархии. Все были новые, неведомые лица или давно прославившиеся дурными поступками люди. Сильно пахло спиртом. Несомненно, в число депутатов проникли сектанты и большевики. При избрании председателя большинство голосов получил военный ветеринарный врач Тихвинский, временно служащий в Ржеве. Оказалось, что это известный вятской епархии священник, член 2-й Государственной Думы, с которого был снят сан по суду.

Только тогда я мог понять, почему диаконы, псаломщики и миряне — депутаты от Ржевского уезда — оказались резко и бурно настроенными, восстановленными без основания против епархиального начальства и не подчинились определениям Тверского собрания паствы и мирян, выработавших программу съезда... Этот съезд, приняв на себя функции Учредительного собрания, поместил в числе главных вопросов программы и вопрос о переизбрании епископов и всего духовен-

ства. Никакие старания И. М. Громогласова доказать съезду, что это незаконно, невозможно и недопустимо, не помогли. Страсти разыгались до последнего предела, и И. М. Громогласов, прошедший через первый московский Епархиальный съезд, постановления которого не были признаны действительными, признал Тверской съезд сборищем врагов Церкви, а потому отказался им прочесть лекцию о канонических нормах и уехал, потрясенный всем виденным.

Как ни старались агитаторы вызвать обвинения против меня, но выступавшими ораторами из клира, известными всей епархии за неблагополучных батюшек и диаконов, ничего не было сказано, кроме пустяков и лжи. Тогда было составлено постановление о предложении мне покинуть Тверскую кафедру, так как съезд не доверяет моей церковно-общественной деятельности. Разве это не комично? Я на-

чалствовал над тремя большими монастырями, стоял во главе подготовки Нижегородской и Тамбовской губерний к событию прославления преподобного Серафима Саровского и затем управлял четырьмя епархиями, в которых мною было сделано весьма много, что достаточно известно в России, и писать, постановлять кучке смутьянов о недоверии моей церковно-общественной деятельности, прямо дерзко и смешно. Многие священники и миряне подписали протест...

Ввиду всего происшедшего я не могу признать этот чрезвычайный Епархиальный съезд состоявшимся, законным и резолюции его подлежащими рассмотрению. Епархиальный съезд был созван мною, программа составлена пастырским собранием с мирянами и утверждена мною, но в съездах по благочиниям выборы произведены неправильно, с насилием, и потому в депутаты проникли люди злона-

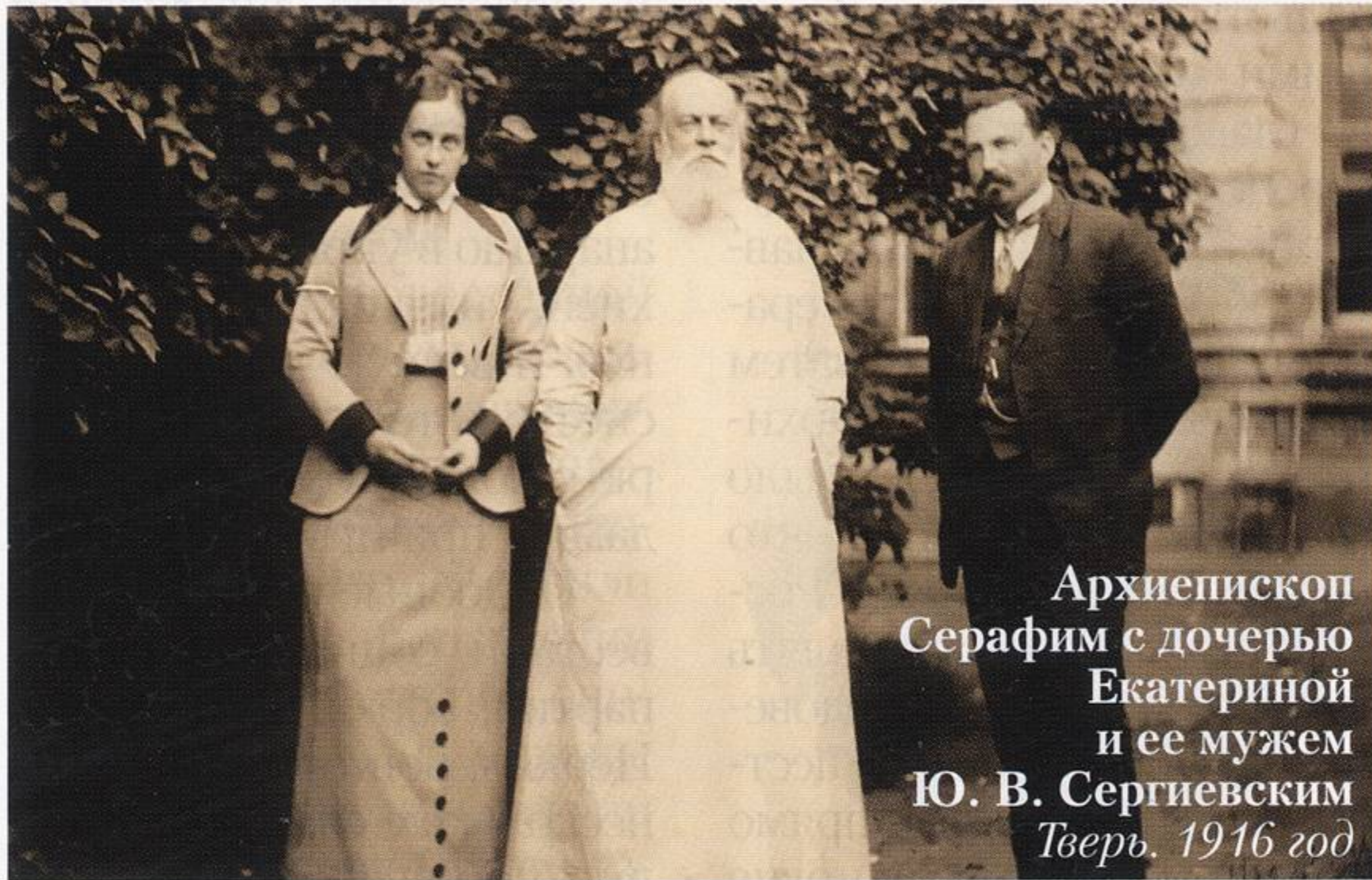
меренные, для борьбы против Церкви и духовенства и в недозволенном числе... Этот съезд внес полную анархию в управление епархией, уничтожив благочинных и всякую возможность снести теперь архипастырю с Консисторией, с приходами и причтами.

Подобные действия известной социалистической партии, борющейся против Церкви, повторились уже в нескольких епархиях и будут постепенно нарушать мир и порядок по всей России. Из этого достаточно ясно, к чему мы приближаемся, к какой разрухе, к какому потрясению основ Православия. И эти люди имеют дерзость ссылаться на необходимость подобных действий для предотвращения раскола и успокоения народа. Они быстро создадут и раскол, и бегство православных в католичество и протестантство» (л. д. 19, 19 об., 20, 20 об.).

В письме обер-прокурору В. Н. Львову от 23 апреля

Панорама Твери
Фото начала XX века

Архиепископ
Серафим с дочерью
Екатериной
и ее мужем
Ю. В. Сергиевским
Тверь. 1916 год

1917 года архиепископ Тверской и Кашинский Серафим сообщал: «Наша губерния во власти большевиков, а потому она стоит рядом с Кронштадтом по настроению и возбуждению. Ясно, тут повторился заговор против меня, как и против других сильных, влиятельных иерархов, которых вынуждают уйти на покой... Для меня теперь неоспоримо, что большевики создавали церковную революцию с намерением ослабить духовенство и сделать его беззащитным. После меня начнут гнать лучших пастырей. Этот секрет рассказал один из депутатов исполнительного комитета. И мне все стало понятно. Расстрига Тихвинский в форме ветеринарного врача занимается агитацией в губернии. Он превратил съезд в учредительное собрание и привез с собой новую программу и заговорное постановление о моем удалении.

Поразительно не то, что большевики ведут заговоры против хороших иерархов, но насколько духовенство легко было застрашать и парализовать. Боясь, что их

прогонят с мест, многие священники и диаконы со слезами на глазах подчиняются всем требованиям заговорщиков-крикунов» (л. д. 2; л. д. 5)⁵.

В телеграмме от 24 апреля 1917 года обер-прокурору Синода Львову Владыка Серафим сообщал: «Чрезвычайный Епархиальный съезд при насильственном появлении ста депутатов крестьян сверх полагавшихся и прибывших с намерением превысить голоса духовенства, избрал председателем ржевского военного врача Тихвинского... превратился в учредительное собрание с собственной программой, в которой поставлен вопрос о переизбрании епископов и всего духовенства... Духовенство подписало протест, никто не в силах сдержать, необходимо признать съезд незаконным и распустить. Боюсь заступничества за меня верующих и солдат» (л. д. 5).

Однако губернский совет крестьянских депутатов Тверской губернии настаивал на немедленном изгнании архиепископа Серафима с Тверской кафедры, об-

ращаясь к обер-прокурору Святейшего Синода и угрожая следственным разбирательством. В обращении от 13 июля 1917 года говорилось: «Совет не может считать епископа Серафима управителем епархии со времени выражения ему недоверия на Епархиальном съезде и протестует против выдачи архиепископу Серафиму содержания с 25 апреля с. г. Совет требует немедленно взыскать с архиепископа Серафима деньги, выданные на его содержание с 25 апреля с. г., для выяснения какого-либо вопроса должно быть обер-прокурором Святейшего Синода назначено особое следствие. В случае же неудовлетворения этого пожелания Совет крестьянских депутатов считает своим долгом взять на себя следственные функции» (л. д. 39).

Со своей стороны, члены Епархиального совета продолжали требовать удаления архиепископа Серафима из Тверской епархии. Они обращались в Святейший Синод, пытались добиться выступления на его заседании, посылали в Синод своих делегатов по сфабрикованным удостоверениям, угрожали всевозможными эксцессами (л. д. 41, 45), а также обращались в совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов за помощью против своего архипастыря (л. д. 51, 143).

В одном из писем [предположительно епископу Самарскому и Ставропольскому Михаилу (Богданову, † 1925)] Владыка Серафим писал:

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь!

Тверская епархия начинает приходить в себя, и пастыри на окружных и уездных съездах постановляют, что не давали отцам диаконам и псаломщикам, образовавшим братский союз, никаких полномочий на первом Тверском съезде по возбуждению вопроса о недоверии ко мне. Словом, пастыри резко отделились от младших членов клира и намерены вместе с мирянами на Епархиальном съезде 8 августа отменить постановление о моем удалении и просить меня вернуться. Прошу Вас, Владыка, обратить внимание на постановление ржевских пастырей, посланное в Святейший Синод.

Партия клириков – товарищей большевиков – испугалась; в особенности Епархиальный совет при епископе, состоящий из совершенно невообразимых священнослужителей, занявших мой дом и действующих оттуда наподобие Ляпишева. И вот на что же они решились?

Читаю сейчас в газете о заседании бюро совета крестьянских депутатов от 12 июля: присутствовали на заседании представители Епархиального совета: священник Витлин, диакон Крылов и псаломщик Воскресенский. Обсуждались заявление представителей Епархиального совета и просьба содействовать удалению епископа Серафима. Постановлено принять актив-

Свой протест по поводу постановления чрезвычайного Епархиального съезда от 30 июля 1917 года заявили прихожане церкви города Старицы во главе с благочинным Старицкого Борисоглебского собора протоиереем Михаилом Прозоровым. В протесте были изложены допущенные при проведении съезда нарушения. В частности, в нем говорилось, что съезд проходил не по той программе, которая была опубликована архиепископом Серафимом. К участию в заседаниях были

допущены с правом решающего голоса люди, правомочие которых не выяснено. Вопрос о доверии Тверскому архиепископу Серафиму возник лишь на съезде и решен последним без предварительных обсуждений его на всех окружных и уездных собраниях, то есть это не был голос всей Церкви.

В протесте отмечалось, что постановление съезда об удалении архиепископа Серафима находилось в явном противоречии как с постановлением того же съезда, так и с принципом соборнос-

ное участие в удалении епископа Серафима, послать бумагу прокурору Синода, согласно заявлению представителей Епархиального совета.

Ваше Высокопреосвященство! Куда же мы идем, допуская образование таких советов, с решающими голосами при епископах? Неужели каждый пьяный диакон, вроде Крылова, имеет право бороться против архиепископа и двадцати уездов епархии, насильно снова в совете, никем не признанный и не утвержденный?

Умоляю Вас, примите меры к выяснению происшедшего беззакония и к удалению виновников из Твери. Необходимо немедленно перевести Преосвященного Владыку Арсения, как не сумевшего вести себя и очутившегося в невозможно унижительном положении, викарием в другую епархию. На его место надо избрать викарием ректора Тверской семинарии архимандрита Вениамина (Федченкова).

До реформы епархиального управления на Церковном Соборе, следует распустить этот ужасный Епархиальный совет и оставить действовать одну Консисторию. Будьте милостивы, помогите. Прося Ваших молитв, пребываю Вашего Высокопреосвященства преданный богомолец Серафим, архиепископ Тверской.

21 июля 1917 года
Москва, Остоженка, 2-й Ушаковский пер.
д. 5, кв. 4 (л. д. 51–52)

ти в решении церковных вопросов. Далее выражалось сожаление, что «съезд отверг предложение одного из сочленов о приглашении архиепископа для устранения возникших недоразумений и недовольств. Несомненно, прибывший на открытие съезда не уклонился бы от объяснений с ним по вопросу об отношении его к пастве. Собрание находит действия архиепископа на съезде вполне корректными и полными достоинства. Между тем действия президиума съезда, не пожелавшего

явиться к архиепископу за утверждением, сами собой наводят на мысль о правилах элементарной вежливости и как бы преднамеренной тенденциозности со стороны руководителей съезда».

Церковные старосты и миряне Старицы решили «на постановление съезда об удалении архиепископа заявить протест перед Святейшим Синодом, а самого архиепископа просить не оставлять Тверской кафедры и потребовать пересмотра данного вопроса на ближайшем Епархиальном съезде с предварительным обсуждением на местных собраниях церковных общин» (л. д. 55, 55 об., 56, 56 об.). Копия постановления была направлена в Святейший Правительствующий Синод.

Архиепископ Серафим выступал против неканонического решения съезда, неоднократно обращаясь за помощью и поддержкой в Святейший Синод. Назначенный Синодом для всестороннего выяснения обстоятельств дела епископ Самарский и Ставропольский Михаил не нашел в деятельности Преосвященного Серафима ничего, что могло бы послужить основанием для его удаления с Тверской кафедры. Учитывая заявления от духовенства и мирян Тверской епархии, Святейший Синод обратился к православной пастве Тверской епархии с призывом примириться со своим архипастырем и возобновить с ним единение в союзе мира и любви (л. д. 47–48).

Святейший Синод поручил Преосвященному Михаилу председательствовать

на предстоящем 8 августа 1917 года Тверском епархиальном съезде. Однако недруги святителя Серафима, представлявшие собой небольшую группу клириков, постарались придать своему выступлению против правящего архиерея видимость борьбы с «политическим реакционером». В результате интриг и фальсификаций съезд незначительным большинством голосов (142 против 136) повторно вынес неканоническое решение об изгнании Преосвященного Серафима.

По докладу епископа Самарского и Ставропольского Михаила о результатах произведенного им расследования отношений тверского духовенства и паствы к архиепископу Серафиму 9 августа 1917 года Святейший Синод вынес следующее определение: «Принимая во внимание, что: 1) Преосвященный Самарский, производивший расследование отношения тверского духовенства и паствы к местному Преосвященному архиепископу Серафиму, не нашел в деятельности сего Преосвященного ничего, что могло бы служить основанием к удовлетворению выражаемого некоторою частью тверского духовенства и паствы желания об удалении Преосвященного с Тверской архиерейской кафедры; 2) произведенное 8 сего августа на Тверском Епархиальном собрании голосование об отношении духовенства и паствы к Преосвященному Серафиму не дало определенных результатов, так как большинством только шес-

ти голосов вынесено решение об увольнении Преосвященного и 3) сам Преосвященный Серафим находит возможным оставаться в Твери, Святейший Синод определяет: предоставить Преосвященному Тверскому Серафиму вступить в управление Тверской епархией, о чем послать Преосвященному Серафиму и временно управляющему Преосвященному Старицкому указы» (л. д. 50–50 а).

Большая часть епархиального духовенства и мирян продолжала почитать святителя Серафима единственным каноничным правящим архипастырем своей епархии. В архивных материалах содержится множество гневных и одновременно сочувственных писем в защиту архиепископа Серафима, направленных как Владыке Серафиму, так и Епархиальному съезду (л. д. 55–60). Письма приходского духовенства и приходских советов свидетельствовали о желании сохранить своего архипастыря, они настаивали на отмене постановления Епархиального съезда.

Особенно отрадной для святителя Серафима была единодушная поддержка, оказанная ему тверским монашеством: иноки и инокини всех 36 тверских монастырей, представители которых не были приглашены на съезд, потребовали от Епархиального съезда присоединить их голоса к тем 136 голосам участников съезда, которые были поданы за оставление на Тверской кафедре «горячо любимого архиепископа Серафима». Вот это письмо.

*Его Высокопревосходительству,
господину обер-прокурору Святейшего
Правительства Синода*

*Настоятелей и настоятельниц, старшей
братии и сестер
монастырей Тверской епархии
почтительнейший доклад*

8-го августа сего года на чрезвычайном съезде духовенства Тверской епархии большинством (142 против 136 голосов) вторично решен был вопрос об удалении архиепископа Серафима с Тверской кафедры.

Не говоря уже о том, что съезд не имел права вторично решать и разбирать дело, уже решенное Святейшим Синодом, мы, настоятели и настоятельницы и старшая братия монастырей Тверской епархии, честь имеем почтительнейше доложить Вашему Высокопревосходительству, что на съезд не было вызвано ни одного представителя от 36 монастырей епархии и вопрос об удалении архиепископа Серафима решался без нашего участия, что для нас крайне обидно, так как все мы на-

В то трудное для Владыки Серафима время Святейший Синод продолжал рассматривать его как единственного правящего архиерея Тверской епархии. Поэтому летом 1917 года по решению Синода он был включен в число членов Поместного Собора именно как правящий архиерей. Святитель Серафим активно включился в работу Поместного Собора, возглавил столь близкий его сердцу соборный отдел «Монастыри и монашество», принимал активное участие в работе первой сессии Собора, проходившей с 16 августа по 9 декабря 1917 года.

Однако осенью 1917 года усиление в России революционной смуты и захват власти в Петрограде большевиками оказали влияние на развитие событий в Твер-

ской епархии. Сознывая, что большинство духовенства и мирян епархии продолжало сохранять верность святителю Серафиму, некоторые члены Епархиального совета, избранные незаконным апрельским съездом 1917 года, решили для изгнания святителя прибегнуть к помощи большевицких властей в Твери, которые в то время открыто выражали свои богоборческие настроения и не скрывали ненависти к Владыке Серафиму как к «церковному мракобесу и черносотенному монархисту»⁶. 28 декабря 1917 года вероисповедный отдел Тверского губисполкома совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов выдал предписание о высылке архиепископа Серафима из Тверской губернии на основании требо-

ходимся под управлением горячо любимого нами архиепископа Серафима. А потому, заявляя свой протест против состоявшегося решения съезда об удалении архиепископа Серафима, настоящим честь имеем благопокорнейше просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, наши голоса присоединить к 136 голосам за архиепископа Серафима и ходатайствовать пред Святейшим Синодом об оставлении его на Тверской кафедре. Тем более что все высшее духовенство голосовало за Владыку. И если на другой стороне оказался незначительный перевес (на 3 голоса), то единственно потому, что духовенство составляло всего лишь одну треть съезда.

О вышеизложенном честь имеем доложить Вашему Высокопревосходительству и просить настоящую нашу законную просьбу не оставить без удовлетворения.

*Вашего Высокопревосходительства
покорнейшие слуги
(Далее следуют 23 подписи настоятелей,
игуменей, казначей, ризничих восьми
монастырей, л. д. 67–67 об.).*

вания того же апрельского съезда 1917 года.

Святейший Патриарх Тихон в телеграмме епископу Старицкому Иоанну (Поммеру, † 1934), викарию Тверской епархии, выразил свое отношение к случившемуся: «Никаких распоряжений об удалении архиепископа Серафима Святейшим Синодом сделано не было. Всякие действия, направленные к избранию нового архиепископа, пока высшей церковной властью признается правящим Преосвященный Серафим, недопустимы. Прошу Ваше Преосвященство передать тверскому духовенству и пастве мою уверенность, что они окажут нравственную поддержку своему архипастырю. Патриарх Тихон» (л. д. 128).

Несмотря на то, что Святейшим Правительствующим Синодом было вынесено определение о возвращении архиепископа Серафима в Тверскую епархию, он уже не мог вернуться в Тверь, поскольку епархиальный дом был захвачен большевиками, а его имущество и запасы реквизированы. Позднее в письме митрополиту Арсению (Стадницкому) от 9 апреля 1918 года Владыка Серафим так описывал происходившие в 1917 году в Тверской епархии события: «Я не находил возможным уйти из Твери, потому что это значило бы предать ревностное и честное духовенство на расправу партии, действующей из личных выгод, вместе с большевиками. Не находил также возможным и принципиально, дабы не подчиниться незаконной власти, овладевшей даже епархиальным управлением. Нельзя же, чтобы их интрига и требование повлияли на меня и высшую церковную власть и мы исполнили их злое желание, ни на чем не основанное. Но, конечно, я глубоко оскорблен епархией после происшедшего и вовремя не остановленного духовенством, а также народом, мое сердце оторвалось. Оставаться на такой кафедре мне нежелательно. Нижний Новгород имеет только ту привлекательность для меня, что в этой епархии, мне хорошо известной, Серафимо-Дивеевский монастырь, где приготовлена моя могила, и я уже столько потрудился в деле прославления преподобного Серафима. Есть смысл и основание

**Митрополит
Ленинградский и Гдовский
Серафим**

мое приблизиться к месту своего вечного упокоения.

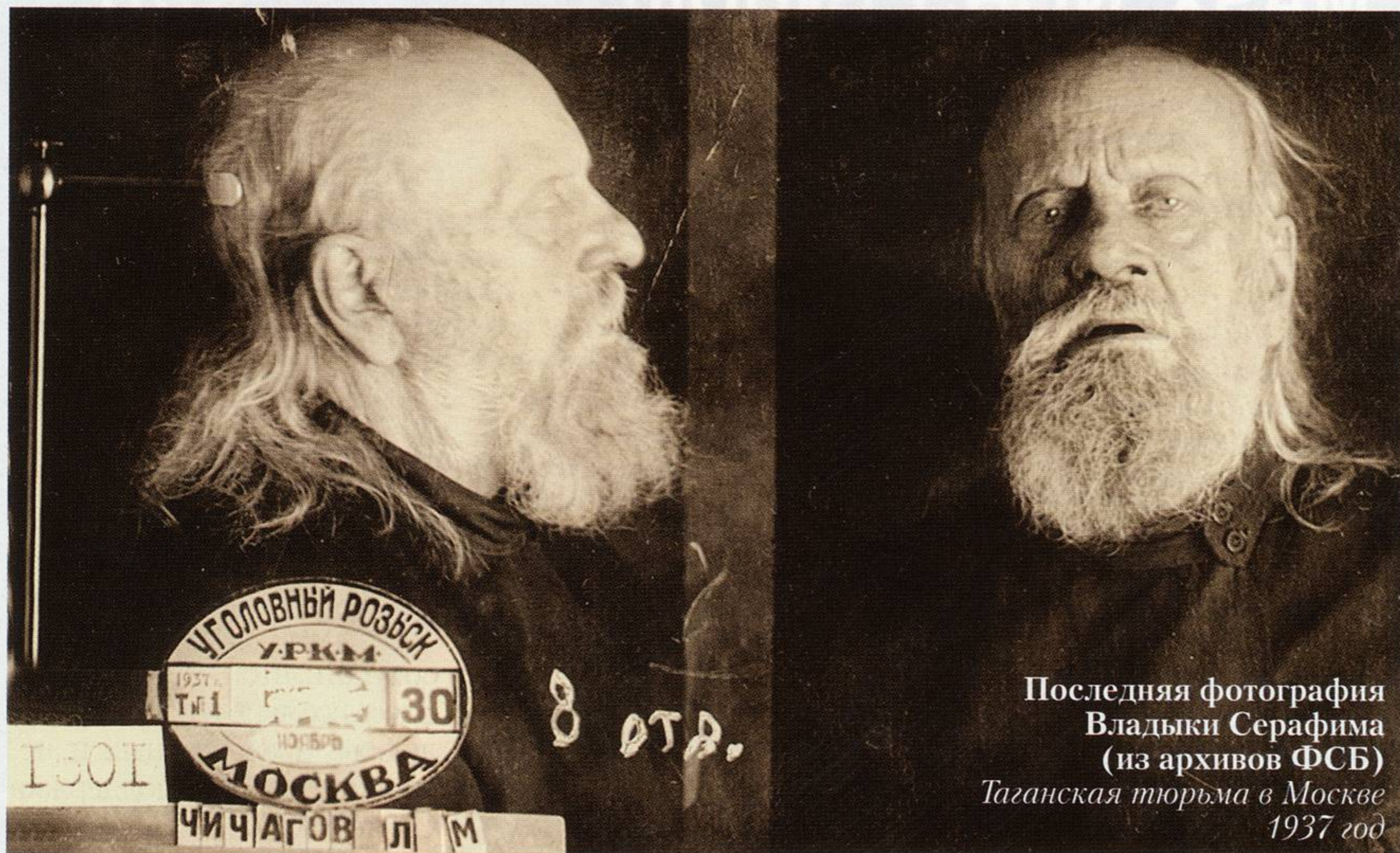
После всего сказанного предоставляю свою судьбу Святейшему Патриарху и Священному Синоду, ибо я никогда своей воли не держался и в последнем шаге в моей службе изменить своему правилу и данному обету при пострижении не могу. Да будет в решении Священного Синода воля Божия! Хлопотать о выборе меня в Нижний не берусь, но предоставляю это решению преподобного Серафима»⁷.

В письме епископу Алексию (Симанскому), будущему Патриарху Московскому и всея Руси, Владыка Серафим рассказывал о своем тяжелом материальном положении, так как все свои сбережения он истратил на храмы и монастыри. И завершал он свое письмо

трагически: «Молитесь за меня — истинно мученика, кончающего свою жизнь в таких испытаниях!»⁸. Как показало время, это было только начало его мученического, голгофского пути, завершившегося расстрелом на Бутовском полигоне 11 декабря 1937 года.

Для выяснения обстоятельств удаления архиепископа Серафима из Твери Святейший Патриарх Тихон 3 января 1918 года обратился к епископу Старицкому Иоанну с просьбой «доверительно сообщить, какими именно действиями архиепископа Серафима могло быть вызвано означенное недовольство совета рабочих и солдатских депутатов и есть ли основание надеяться на умиротворение возникших недоразумений и на возможность беспрепятственного возвращения архиепископа Серафима в Тверь».

В ответном письме от 9 января 1918 года епископ Старицкий Иоанн, викарий Тверской епархии, сообщал, что не знает «решительно ничего такого, что могло бы послужить достаточным основанием для насильственного удаления архиепископа из епархии». «Ближайший повод, вызвавший предложение исполнительного комитета от 28 декабря 1917 года, мне не известен. То обстоятельство, что в предложении ничего об этом поводе не говорится, мне кажется, свидетельствует, что дело не в ближайшем поводе, а в отношениях, уже ранее установившихся у некоторых слоев населения к своему архипастырю и бывших уже предметом неоднократного и разно-

Последняя фотография
Владыки Серафима
(из архивов ФСБ)
Таганская тюрьма в Москве
1937 год

стороннего обсуждения высшей церковной власти. На самое предложение исполнительного комитета от 28 декабря 1917 года я смотрел и смотрю как на предложение, и только предложение. Такие предложения некоторыми архипастырями оставались без исполнения, и это не влекло за собою насильственного удаления этих архипастырей из епархии. Отъезд во исполнение предложения политической организации друзьями и недругами может быть истолкован как проявление малодушия и друзей расположить к пассивному упованию, а недругов ободрить к дальнейшему дерзанию. Не уехать из епархии по предложению политической организации легче, чем потом приехать обратно в епархию вопреки воле противников. Полагаю, что Владыка архиепископ Серафим выбытием из епархии поставил себя в более тяжелое положе-

ние, чем оно могло бы быть, если бы Владыка не уезжал. Во избежание дальнейшего ухудшения положения Владыке архиепископу следовало бы вернуться в епархию. Таково не только мое мнение, но и мнение значительной части пастырей Твери. Конечно, при возвращении надо быть готовому ко всяким случайностям, от которых теперь не спасает ни сан, ни возраст и ничто такое, но Бог милостив и люди еще не все потеряны» (л. д. 129–130).

В такой оценке поведения Владыки Серафима не принималась во внимание острота момента, накал противостояния, напряженность, которой достигла ситуация в Твери. Направляя своих делегатов на очередной Епархиальный съезд, который состоялся 12 января 1918 года, собрание духовенства и мирян Ржева поручило своим делегатам «настоятельно требовать оставле-

ния архиепископа Серафима на Тверской кафедре, так как в переживаемое время это оставление имеет величайшее значение в смысле неприкосновенности жизни и деятельности Православной Церкви» (л. д. 31).

Вслед за январским съездом исполнительный комитет местного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, реквизировавший ранее помещение Владыки Серафима в Твери, начал репрессии в отношении Тверской Духовной Консistorии, которая была упразднена 21 февраля (8 февраля ст. ст.) 1918 года. По предписанию комиссара вероисповедного отдела исполнительного комитета Синицына все дела Консistorии приняли члены Епархиального совета, заняв ее место.

18 января 1918 года вероисповедный отдел Тверского губисполкома советов рабочих, крестьянских и солдат-

ских депутатов направил Святейшему Патриарху Тихону копию предписания Тверского губисполкома об удалении архиепископа Серафима с Тверской кафедры от 28 декабря 1917 года на основании постановления того же незаконного чрезвычайного Епархиального съезда 20–25 апреля 1917 года (л. д. 132–133). Однако участие Владыки Серафима в только что начавшейся второй сессии Поместного Собора давало Святейшему Патриарху Тихону возможность не удалять его и в то же время воздержаться от принятия мер по восстановлению канонической власти в Тверской епархии, что могло бы привести к расправе большевиков над святителем Серафимом.

Желая уберечь Владыку Серафима от бесчинной расправы со стороны большевиков, Святейший Патриарх Тихон за несколько дней до разгона Всероссийского Поместного Собора, 17 сентября 1918 года, успел принять на заседании Священного Синода решение о назначении Владыки Серафима на Варшавскую и

Привислинскую кафедру, находившуюся на территории Польши, свободной от власти большевиков.

Так один из самых бескомпромиссных иерархов Русской Православной Церкви – архиепископ Серафим (Чичагов) оказался в числе первых жертв антицерковного, антиправославного заговора, организованного отступниками из среды духовенства и богоборцами-большевиками. Вскоре такой практике последовало и обновленческое духовенство в его борьбе с Патриаршей Православной Церковью. В донесении Святей-

шему Синоду от 8 мая 1917 года архиепископ Серафим дал такую оценку происшедшему: «Подобные действия повторились уже в нескольких епархиях и будут постепенно нарушать мир и порядок по лицу всей России. Из этого достаточно ясно, к чему мы приближаемся, к какой развязке, к какому потрясению основ Православия» (л. д. 20).

* * *

Так завершилась тверская драма. Слава Богу, что сохранились документы. Здесь все явно и неприкрыто: любовь православных и ненависть врагов, поддержка Святейшего Патриарха Тихона и надвигающаяся на Церковь грубая сила, обновленчество, начало травли лучших церковных иерархов.

Глубокое сострадание, но и огромную духовную радость испытываешь при чтении материалов дела. Самоотверженное служение Богу, высокое горение духа помогли святителю Серафиму выстоять в тяжелейших жизненных ситуациях и, презрев врагов, достойно пройти свой мученический путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА, фонд 796, опись 204, ед. хр. 154, 5 стол, I отделение, л. д. 1–152.

² Газета «Русское слово», л. д. 62 б.

³ Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 292–293.

⁴ История Русской Церкви 1700–1917. Кн. 8. Ч. II. С. 720–731.

⁵ Здесь и далее ссылки даются на листы дела № 154 по поводу постановления Тверского

Епархиального съезда об удалении архиепископа Серафима (РГИА, ф. 796, оп. 204, ед. хр. 154).

⁶ Деяния Священного Собора Православной Церкви 1917–1918 годов, т. 1. М., 1994. С. 99, 136.

⁷ ГАРФ. Ф. 550. Д. 417. Л. 10–11.

⁸ Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 113.

О. ПАВЛОВА,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской Академии наук